

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №26
29.04.2024 г.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Стихли отзвуки парада,
И в тени у старых лип
Александровского сада
Сел на лавочку старик.
Тихо вспомнил те былые
Слёзы радости и мук,
А по саду шли родные –
Старшей дочки сын и внук.
Нёс гвоздики первоклассник,
Память прадеда храня,
И венчал Великий Праздник
Залп у Вечного огня!

Александр МЕЛЬНИКОВ

* * *

Там, где воздух чист и свеж,
Где поют березам гимны, –
Край заманчивых надежд,
Куполов церковей старинных.
Где на белых облаках
От сюжетов прошлых дней
Отразилось на века
Что-то из судьбы моей.
Новозыбков – наш причал,
И разбросанным судьбой,
Обещал и возвращал
Потерявшийся покой.
Жаль, что мало так чудес,
Не вернуть былого вновь,
Не собрать всех тех принцесс,
Чтобы пели про любовь.

Надежда ЩИПАКИНА

* * *

Освобожденье от надежд!
И я распахиваю двери,
И ветер – в дом,
И в уши – звон.
И жизни том,
Открытый мной
На той единственной странице,
Где все сначала повторится,
Лежат забытым.
А пока
Гляжу на все издали,
Еще не различая, где ж
Освобожденье от надежд.

Надежда КОЖЕВНИКОВА КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Скажи мне кто-нибудь раньше, что взрослый человек с уже сложившимися привычками и предпочтениями может резко их поменять, никогда бы не поверила, если бы не случай.

Моя соседка Лариса к суете вокруг котиков-собак и прочей домашней живности всегда относилась осуждающе.

– Что ты с ними возишься? Танцы с бубнами вокруг вытанцовыешь? – спрашивала она, кивая головой в сторону очередного Марсика, которого я собиралась лечить. Кот был не в курсе моих благих намерений и активно сопротивлялся.

– Помогла бы лучше, придержала бы, – придав коту к дивану, я пыталась обработать ему уши. – И не танцы это, а медицинская помощь страждущим. Профессия у меня такая. Держи его вот здесь.

– Ещё чего! Боюсь я: вдруг куснёт или царапнет. А насчет профессии – ты ж не ветеринар, тебе что, человеческих пациентов мало? – с праведным негодованием спрашивала она.

Лариса считала, что кормиться-лечиться коты-собаки должны самостоятельно. Мол, не зря в природе существует естественный отбор. Даже детям своим, когда они были маленькими и просили завести какого-нибудь питомца, она категорически отказывала. Но дети внезапно выросли и разъехались, и так же внезапно подошло время выхода на пенсию. Вот тут-то и закручинилась моя соседка, закручинилась так, что и жизнь не в жизнь. Привыкла она всегда быть нужной: на работе, дома, детям, мужу. А тут оказалось, никому не нужна, мол, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

Муж Ларисы, Валентин Иванович, присвоение почётного статуса пенсионера перенёс легко и активность жизненную смог быстренько перенаправить в другое русло: то в шахматный клуб пойдёт, то на рыбалку с друзьями выедет.

Впрочем, он всегда умел легко договариваться и сам с собой, и с окружающими. Ларису же тоска совсем заела.

«Знаешь, – говорила она, – у меня такое чувство, будто я шла, шла вместе со всеми к светлому будущему, а потом все дальше сплочённой колонной двинулись, а я в канаву свалилась и лежу там». Вот что ей на это сказать? В общем, до того она дотосковалась, что совсем потеряла аппетит, перестала спать и однажды, уже привычно заливаясь слезами, пришла ко мне и попросила посоветовать ей какие-нибудь таблетки типа антидепрессантов.

– Лариса, я тебе в этом не помощник. Я ими никогда не пользовалась. Вон мои антидепрессанты, – я кивнула головой в сторону кресла, где лежала незаконченная вышивка «Дождь в Лондоне», на диван, где, в прошлогодних репьях, а значит, и в ожидании очередных «люлей» валялся ночной гуляка, кот Рэмбо, на ведро перезревших помидор, что уже два дня томилась в прихожей в очереди на переработку. Ими заняться надо было в самую первую очередь.

– Тебе случайно помидорчиков не надо? В этом году плодятся, как никогда. Ларис, возьми ведёрко, на сок томатный перекутишь? – с надеждой на избавление хоть от одной проблемы спросила я подругу. Но Ларисе мои антидепрессанты не подошли. По скорбно поджатым губам, по тому, как тихо и смиренно она попрощалась со мной, было понятно – обиделась. А ещё я поняла, что к пенсии каждый должен подумать о собственных, личных, так сказать, антидепрессантах. Ладно, вернусь через несколько дней из гостей (я собиралась навестить переехавшую в Тутаево подругу) и настою на том, чтобы Лариса со мной вместе сходила на дачу. Силой попытаюсь привлечь её к огородничеству, а если и это не даст результатов, то тогда уж к врачу.

Однако, вернувшись, я обнаружила, что перемены в жизни соседки произошли и без моего вмешательства. Не

успела я тогда разуться-раздеться, как она, счастливая и улыбающаяся, уже стояла в дверном проёме. И не одна. На руках у неё сидела маленькая собачка.

– Алл, ты глаза-то прищурь маленько, выскочат, ловить придётся, – не здороваясь, посоветовала мне Лариса. Лариса – шутница и анекдотчица, Лариса – энерджайзер и балагурка, так называли мы её раньше. Такой она и была до выхода на пенсию.

Собачка под стать хозяйке выглядела очень живой и энергичной. Непонятной породы, беленькая, маленькая, она радостно вертела во все стороны узкой лисьей мордочкой, поблёскивала бусинками глаз и вырывалась из рук.

– Купила, что ли? – удивлённо спросила я.

– Сама пришла. Вернее, Бог её ко мне направил. Я уже к врачу идти собралась, дверь открыла, а там она стоит.

Грязная и такая несчастная (дождь тогда шёл). Её кто-то в наш подъезд впустил. Так, представляешь, она на пятый этаж поднялась и не к твоей двери, не к Сушенкам, не к Зыбаловым пошла, а прямо ко мне. Я её помыла, покормила, объявление в газету дала, но никто животинкой не заинтересовался и не позвонил. Ты ж моя радость! – Лариса так прижала новоявленную радость к себе, что та всхрюкнула.

– Не больная? – вклинилась я в её восторженный монолог.

– Тебе б только лечить! Это она от полноты жизни всхрюкивает. А когда спит, то жу-жу-жу, как шмель жужжит. Я её Жужей назвала. Откликается. Жужа, хрюкающая и даже храпящая во сне, всяко лучше таблеток.

Я была рада за соседку. Хорошо, что она нашла себе утеху, что жизнь её пенсионная наконец-то обрела смысл.

Всё, что я вам рассказала, – правда, но это всего лишь предыстория, повод задуматься о том, насколько натура человеческая переменчива и как влияют на неё обстоятельства. А сейчас – сама история.

Прошло пять лет после того, как Жужа обрела дом и любящую хозяйку, а моя соседка саму себя в новом неожиданном образе любителя-собаковода. И тут Жужа заболела. Даже пять лет назад, она была уже не малым щенком, не девочкой, как звала её Лариса, а побитой жизнью, покоцанной блохами, клещами и кишечной инфекцией взрослой собакой. Время ли пришло, другое что подействовало, но начались проблемы: у Жужки взбунтовался желудок. Сколько раз возили к ветеринарам, меняли лекарства, результат всё тот же – есть она ничего не могла, пила только воду да ещё куриный бульон понемногу. Похудела собачка, погрустнела, а Лариса и вовсе на нет сошла от переживаний. При последнем посещении ветврач сказал, что подозревает онкологию и что животное, скорее всего, придётся усыпить, потому что дальше будет только хуже.

– Как я могу это подписать? – рыдала в тот же день соседка, бросив на стол передо мной бумажку, где ей надо было расписаться, мол, она согласна на умерщвление собаки.

– Это же всё равно, что поставить запяную в предложении «казнить нельзя помиловать». Это ж выходит, я её сама приговариваю, – сквозь слёзы возмущалась она. Чем я могла помочь? Попытки убедить в том, что у каждой собаки своя судьба, что в некоторых странах эвтаназия даже в отношении людей узаконена, никакого действия не возымели.

В конце недели Валентин Иванович сам подписал страшную бумагу и повёз Жужу в клинику. Я в этот день была дома, решила отдохнуть от дачных дел. Услышав стук молотка в квартире через стену, удивилась, подумала, что вряд ли они занялись ремонтом, и решила поговорить с соседкой. Никакого ремонта, конечно, не было. Лариса с зарёванным лицом и опухшими глазами оббивала фанерный ящик весёлым голубым ситчиком. Изнутри обива-

ла. Рядом лежала маленькая подушечка. Работа продвигалась медленно. Скобы почему-то выскакивали обратно, и приходилось ставить степлер на одно и то же место по несколько раз.

– А чего ты цветным? У меня белый атлас есть. Хочешь, принесу, – чтобы хоть как-то начать разговор, спросила я соседку.

– Не хочу белый. Она яркие цвета любила, – отказалась она. Хоронить Жужу у меня на даче она тоже отказалась. Сказала, что нашла подходящее место неподалёку от железной дороги, под большой старой липой.

– Ей там веселее. Весною пчёлы прилетят, шмели жужжать будут, и я чаще приходить буду... «Сейчас снова заплачет», – подумала я и взялась за тяжёлый, сделанный под мужскую руку степлер.

– Прекращай рёв, сама говорила, что завтра дети приехать должны, а у тебя лицо как у Винни Пуха после встречи с пчёлами.

Вот так, пытаюсь развлечь разговорами, я помогала соседке приготовить «вечную колыбельку» для Жужки и отправилась домой. Я думала, что скоро вернётся Валентин Иванович, они похоронят любимицу, и, затаившийся процесс расставания придёт наконец-то к логическому завершению. Но вышло всё совсем наоборот.

В три часа, вспомнив лозунг «День без дачи прожит зря!», я решила всё-таки провести свой сад-огород. Только стала собираться, как в дверь бешено забарабанили. Я открыла, и в квартиру буквально влетела Лариса. На руках она держала Жужу. Живую. Вернее, полуживую: тельце её было ослаблено, однако ушки дрожали, а лапки подёргивались.

– Поверь, что она мёртвая была! Совсем мёртвая! Мы всё, как надо, сделали: ямочку выкопали, ящик туда поставили, правда, не закрыли ещё. И тут я стала плакать и громко звать её, смотрю, а ушки-то дрожат. Меленько так, но я же заметила! Не дала я хоронить её, не могу я эту самую запяную поставить!

Соседка прижала собачку к себе и разрыдалась. И тут Жужа открыла глаза, посмотрела на хозяйку, потом на меня. Причём вполне осмысленно посмотрела. И даже вильнуть хвостиком, до этого безжизненно висающим, попыталась. Узнала! Тут уж и у меня слёзы навернулись.

– Клади её на диван! – распорядилась я и высыпала на журнальный столик все имеющиеся в запасе медикаменты. Мы укололи Жужу преднизолоном, кардиамин, адреналин, кофеин, в общем, всё, что нашли для восстановления жизнедеятельности организма, то и укололи. А потом ещё в холку подкожно ввели немного пятипроцентной глюкозы и два больших шприца изотонического раствора с витаминами.

– Всё. Теперь даже мёртвый встанет, – сказала я. «Или помрёт, если был живой», – этого я не сказала, только подумала. Но Жужа оправдала наши надежды. Некоторое время она просто лежала и смотрела на нас, а потом уснула. Когда же проснулась, стало ясно, что умирать скоростижно она не собирается. Процесс пищеварения постепенно наладился, и она прожила ещё семь лет счастливой собачьей жизни. А для меня так и осталось загадкой, чем болела она тогда (может, отраву какую съела во дворе) и что явилось катализатором её возвращения к жизни: горе хозяйки, те лекарства, что ввёл ей ветврач в клинику, мои реанимационные мероприятия или же всё в совокупности. Думай, как хочешь.

Страницу подготовил
Константин Попов